

Научная статья

УДК 811.161.1+42

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-77-85

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЗАВЕРШЕНИЯ И НЕЗАВЕРШЁННОСТИ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЬЕС ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)

Мария Сергеевна Лантух¹, Екатерина Ивановна Минина²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, maralanaaa@gmail.com, 0009-0000-7720-8238

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, katyjureeva@yandex.ru, 0000-0002-7133-1208

Аннотация. Статья посвящена изучению лингвистических маркеров, оформляющих фазу завершения речевого конфликта в драматургическом дискурсе. Несмотря на значительный объём исследований, посвящённых инициации и эскалации конфликта, его завершающая фаза в отечественной прагмалингвистике остаётся охарактеризованной фрагментарно. Драматургический дискурс избран в качестве материала как максимально полно фиксирующий речевое взаимодействие: диалогическая форма пьесы объективирует конфликт в репликах персонажей и авторских ремарках, что повышает аналитическую доступность его фазовой структуры. На основании анализа корпуса из 80 конфликтных отрывков, извлечённых методом сплошной выборки из семнадцати пьес отечественных драматургов второй половины XX в., разграничиваются понятия прекращения и завершения конфликта как самостоятельных коммуникативных категорий. Прекращение квалифицируется как событийная категория, фиксируемая по формальным признакам; завершение — как прагматическая, предполагающая принятие обоими участниками факта коммуникативного закрытия. Показано, что прекращение без завершения является статистически преобладающей моделью в исследуемом корпусе. Описываются четыре группы маркеров: директивные метакоммуникативные формулы с их разновидностями (авторитарное высказывание, итеративная директивная серия, трёхчастное обоснованное завершение, односторонняя декларация); апологетические и уступительные высказывания, включая квазиапологетические конструкции; возвратные речевые ходы с противительными коннекторами как маркеры коммуникативной незакрытости; молчание в трёх функциональных разновидностях и авторские ремарки в трёх структурных подтипах. Установлена зависимость между типом конфликтогена (аксиологическим, манипулятивным, статусным) и характером маркеров завершения. Полученные данные уточняют представления о фазовой структуре речевого конфликта и расширяют инструментарий прагмалингвистического анализа конфликтного дискурса.

Ключевые слова: речевой конфликт, маркеры завершения конфликта, незавершённость конфликта, прагмалингвистика, драматургический дискурс, конфликтоген, фазовая структура конфликта

Для цитирования: Лантух М. С., Минина Е. И. Лингвистические маркеры завершения и незавершённости речевого конфликта в драматургическом дискурсе (на материале отечественных пьес второй половины XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 77–85. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-77-85

Original article

LINGUISTIC MARKERS OF CONFLICT RESOLUTION AND IRRESOLUTION IN DRAMATIC DISCOURSE (BASED ON RUSSIAN PLAYS OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY)

Maria S. Lantukh¹, Ekaterina I. Minina²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, maralanaaa@gmail.com, 0009-0000-7720-8238

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, katyjureeva@yandex.ru, 0000-0002-7133-1208

Abstract. This article examines the linguistic markers that shape the final phase of speech conflict in dramatic discourse. Despite the significant body of research devoted to the initiation and escalation of conflict, its final phase remains fragmentarily characterized in Russian pragmalinguistics. Dramatic discourse most fully captures speech interaction: the play's dialogic form objectifies the conflict through the characters' lines and the author's stage directions, which enhances the analytical accessibility of its phase structure. Based on the analysis of a corpus of 80 conflict passages from seventeen Russian plays of the second half of the 20th century a distinction is made between the concepts of termination and completion of a conflict as independent communicative categories. Termination is qualified as an event category, recorded according to formal features; completion — as a pragmatic one, implying acceptance by both participants of the fact of communicative closure. It is shown that termination without completion is the statistically predominant model in the studied corpus. Four groups of markers are described: directive metacommunicative formulas with their varieties (authoritarian statement, iterative directive series, three-part justified completion, unilateral declaration); apologetic and concessive statements, including quasi-apologetic constructions; reflexive speech turns with adversative connectors as markers of communicative openness; silence in three functional varieties and author's remarks in three structural subtypes. A relationship is established between the type of conflict generator (axiological, manipulative, status) and the nature of completion markers. The obtained data clarify the concepts of the phase structure of speech conflict, expand the toolkit of pragmalinguistic analysis of conflict discourse.

Keywords: verbal conflict, conflict resolution markers, conflict irresolution, pragmalinguistics, dramatic discourse, conflictogen, phase structure of conflict

For citation: Lantukh MS, Minina EI. Linguistic Markers of Conflict Resolution and Irresolution in Dramatic Discourse (Based on Russian Plays of the Second Half of the 20th Century). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(5(511)):77-85. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-77-85

Введение

Фаза завершения речевого конфликта в отечественной и зарубежной лингвистике остаётся значительно менее изученной, чем его инициация и эскалация. Это объясняется рядом причин. Прикладная конфликтология, создавшая развитый аппарат для описания стратегий управления конфликтом, сосредоточена преимущественно на переговорных процессах и алгоритмах урегулирования [1]. Исследования речевой агрессии и конфликтного дискурса, интенсивно развивавшиеся в последние десятилетия в работах В. С. Третьяковой [10], К. Ф. Седова [8], Н. В. Муравьёвой [6], О. С. Иссерс [4], И. В. Певневой [7], Мулькеевой [5], фокусируются на инвентаре конфликтогенных средств, коммуникативных стратегиях и тактиках основной фазы. Фаза завершения при этом либо выносится за скобки, либо рассматривается как производная от фазы эскалации.

Речевой конфликт определяется в современной лингвистике как столкновение коммуникативных интенций, при котором один или оба участника осознают действия оппонента как направленные против своих интересов, статуса или ценностей. В. С. Третьякова понимает его как «столкновение сторон, состояние противоборства партнёров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, выявляемых в ситуации общения» [10, с. 141]. К. Ф. Седов трактует речевой конфликт как «результат доминирования в речевом поведении

коммуникантов установок на самоутверждение за счёт партнёра» [8, с. 9]. Н. В. Муравьёва акцентирует агрессивную составляющую: конфликт «проявляется через речевые акты, направленные на дискредитацию, оскорбление или снижение статуса адресата» [6, с. 34].

Фазовая структура конфликта описана в отечественной науке прежде всего в рамках общей конфликтологии. А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов выделяют предконфликтный период, инцидент, эскалацию, урегулирование и послеконфликтный период [1]. Применительно к речевому взаимодействию Т. В. Якубович уточняет, что переход между фазами опосредован «осознанием субъектами взаимодействия своих потребностей, интересов, позиций, которые влияют на формирование целей общения» [12, с. 29]. Однако в рамках этих моделей фаза завершения рассматривается как результат, а не как самостоятельный коммуникативный процесс, обладающий собственными языковыми маркерами.

В зарубежной лингвистике наиболее системный взгляд на завершение конфликтного взаимодействия предложен в коллективной монографии под редакцией А. Гримшоу. Его вклад в изучение conflict talk состоит в концептуализации устной конфликтной коммуникации как социального явления, регулируемого дискурсивными правилами, в том числе на этапе её закрытия [13]. Непосредственно механизмам завершения конфликта в семейном диалоге посвящена работа С.

Вучинича [15]: автор выделяет пять исходов конфликтного взаимодействия (submission, dominant submission, compromise, standoff, withdrawal), большинство из которых не предполагает консенсуса и коммуникативного завершения конфликта в полном смысле слова. Это наблюдение согласуется с материалом настоящего исследования: в русскоязычном драматургическом дискурсе второй половины XX века незавершённость конфликта при его формальном прекращении является статистически преобладающей моделью.

В отечественных исследованиях конфликта в художественном тексте можно выделить несколько значимых работ. А. Т. Анисимова описывает национально-специфические модели конфликтного поведения [2]. Н. А. Синтоцкая изучает связь между эмотивностью и динамикой конфликта [9]. Наиболее развёрнутый прагмалингвистический анализ конфликта в русской драматургии предпринят А. В. Хрунковой: она описывает интолерантные формы речевого общения (вербальную агрессию, унижение, провокацию) как структурообразующие элементы сценического конфликта и предлагает типологию конфликтных реплик [11]. При этом во всех перечисленных работах фаза завершения конфликта остаётся описанной фрагментарно или не рассматривается вообще, что и определяет актуальность настоящей статьи.

Выбор драматургического дискурса в качестве материала обусловлен рядом методологических преимуществ. В отличие от эпических и лиро-эпических жанров, где конфликт опосредован авторским повествованием или внутренней речью персонажей, в драме противостояние почти всегда объективировано в репликах, что позволяет исследовать его как коммуникативный процесс, структурированный по фазам. Диалогическая форма фиксирует взаимодействие в максимально полном виде, включая паузы, молчание и ремарки — элементы, в естественной коммуникации не поддающиеся надёжной документации. Исследователи отмечают, что в драме речевая организация выходит на первый план. Драматический текст полностью построен на речевом взаимодействии персонажей: отсутствует развернутое повествовательное слово автора, а события и характеры раскрываются через диалоги и монологи действующих лиц. М. Мэнсворт в сборнике «Teaching English language and literature» доказывает, что разговорные модели диалога в драме можно анализировать с помощью тех же инструментов, которые лингвисты обычно применяют для ана-

лиза разговорной речи, тем самым подчеркивая, что драматический текст есть речевое взаимодействие персонажей, специально сконструированное по образу живой разговорной речи [14]. Все это делает корпус особенно продуктивным для изучения прагматических механизмов конфликтного взаимодействия.

Цель настоящей статьи — описать систему лингвистических маркеров завершения и незавершённости речевого конфликта в драматургическом дискурсе. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач: разграничить прекращение и завершение конфликта как коммуникативные категории; классифицировать маркеры завершения по уровню языковой системы и по прагматической функции; описать маркеры незавершённости конфликта; установить зависимость между природой конфликтогена и характером маркеров завершения.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил корпус из 80 отрывков с конфликтными речевыми актами, извлечённых методом сплошной выборки из семнадцати пьес отечественных драматургов второй половины XX в. Хронологические границы корпуса охватывают период с конца 1950-х по начало 1990-х гг., что позволяет рассматривать речевой конфликт на значительном диахроническом срезе в пределах единого культурно-исторического периода.

В качестве основных методов применялись прагмалингвистический анализ высказывания в диалогическом контексте, дискурс-анализ конфликтных последовательностей, а также метод контекстуального описания. Каждый конфликтный отрывок рассматривался как структурно-функциональное единство, включающее предконфликтный контекст, основную фазу и фазу завершения. Маркеры завершения выделялись по критериям прагматической направленности, позиции в диалоге и типа коммуникативного реагирования на конфликтный стимул. Авторские ремарки и паузы учитывались как равноправные коммуникативные сигналы наряду с репликами персонажей.

Результаты исследования и их обсуждение

Прекращение и завершение речевого конфликта как самостоятельные коммуникативные категории

Разграничение прекращения и завершения конфликта принципиально для адекватного лингвистического описания его динамики. Прекращение конфликта — категория событийная:

взаимодействие фактически прерывается по той или иной причине (один из участников умолкает, меняет тему, покидает пространство коммуникации). Завершение конфликта — категория прагматическая: конфликт считается завершённым тогда, когда оба участника интерпретируют его как коммуникативно закрытый, то есть не предполагающий возврата к конфликтному предмету. В работе С. Вучинича данное разграничение намечено через оппозицию форматов *stopping — ending*: конфликт прекращается в любом случае, однако завершается только при условии, что обе стороны в той или иной форме принимают итог взаимодействия [13]. Прекращение и завершение могут совпадать в случае взаимоприемлемого консенсуса или явной уступки одной из сторон, однако в значительной части случаев они расходятся, и именно это расхождение порождает специфические лингвистические эффекты.

Анализ корпуса показывает, что в отечественной драматургии второй половины XX в. завершение конфликта в строгом смысле достигается относительно редко. В большинстве рассмотренных отрывков конфликт прекращается без коммуникативного закрытия: один из участников физически выходит из взаимодействия, однако эмоциональное напряжение сохраняется, что фиксируется языковыми средствами и авторскими ремарками. Это наблюдение согласуется с общей характеристикой конфликтного дискурса в реалистической драматургии этого периода, где незавершённость конфликта, отказ от примирительного финала становятся одним из способов художественного осмысления коммуникативного опыта эпохи.

Описанное различие определяет двухчастную структуру системы маркеров, рассматриваемой в настоящей статье: маркеры завершения конфликта сигнализируют о выходе одного или обоих участников из конфликтного регистра; маркеры незавершённости удерживают конфликтное напряжение при внешнем прекращении открытого противостояния.

Маркеры завершения конфликта

В корпусе выявляются три структурных типа маркеров завершения, различающихся как по уровню языковой системы, так и по коммуникативному механизму функционирования.

Первый тип — метакоммуникативные формулы завершения — наиболее эксплицитный из выявленных типов маркеров: они прямо называют прекращение конфликта или требуют его от оппонента. В корпусе представлены четыре разновид-

ности, различающиеся по синтаксической модели, адресату и прагматическому результату.

Авторитарное высказывание реализуется императивом, адресованным участнику конфликта: «Уж молчи, стоеросовый!» (Лапшин, «В поисках радости», В. Розов)¹. Прагматическая функция — одностороннее закрытие темы с позиции иерархических отношений: вышестоящий участник не обосновывает прекращение разговора, но объявляет его. Примечательно, что данная формула не достигает цели: Геннадий умолкает, однако вместо него в конфликт вступает Олег, и ситуация эскалирует. Реплика-директива, не принятая присутствующими, сама становится конфликтогенной. Конфликт завершается не репликой Лапшина, а вмешательством третьего лица: Клавдия Васильевна дважды произносит «Олег, перестань» и в кульминационный момент — односложное «Олег!», после которого следует ремарка «Олег умолк»². Обращение к собственному имени без предиката представляет собой предельно редуцированную конструкцию, прагматически функционирующую как категорическое требование прекратить высказывание; её авторитет подкреплён родительским статусом Клавдии Васильевны как хозяйки коммуникативного пространства. Таким образом, третье лицо, не являющееся ни одной из конфликтующих сторон, оказывается единственным участником, чья завершающая реплика принимается.

Итеративная директивная серия реализована в «Утиной охоте» А. Вампилова: «Уходи» — «Уходите» — «Убирайтесь» (Зилов)³. Каждое повторение директивы без её принятия адресатами требует усиления — сначала по числу адресатов (ед. ч. — мн. ч.), затем по регистру (нейтральный глагол — инвектива). Прагматически такая серия функционирует как ультиматум: говорящий вынужден интенсифицировать высказывание именно потому, что завершение не наступает.

Развёрнутое метакоммуникативное завершение представлено трёхчастной структурой в пьесе «В поисках радости» В. Розова: констатация причины («Вместе нам трудно») + рекомендация («лучше не обострять отношений») + объявление о решении («Мы с Фёдором сегодня же оставим

¹ Розов В. С. В поисках радости [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: <https://www.lib.ru/PXESY/ROZOW/radost.txt> (дата обращения: 26.04.2026).

² Там же.

³ Вампилов А. В. Утиная охота [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: https://lib.ru/PXESY/WAMPILOV/vampilov_ohota.txt (дата обращения: 26.04.2026).

вас в покое»¹). Это единственный пример развёрнутого двустороннего оформления завершения в корпусе: говорящий не просто прекращает взаимодействие, но даёт ему обоснование и называет последствия.

Односторонние декларации завершения, как правило, сопровождаются физическим выходом из ситуации. В «Старшем сыне» А. Вампилова Макарская выходит из конфликта с Васенькой, говоря: «И вот что, детка. Всё. Концерт окончен. Иди и не придуривайся. Пока тебя не выпороли»². Фразеологизм «концерт окончен» оформлен в форме прошедшего времени, что представляет завершение как уже свершившийся факт, а не как решение, требующее принятия (ср. Заканчивай концерт!). Финальная конструкция «пока тебя не выпороли» выполняет дополнительную прагматическую функцию: переходя к обращению с оппонентом как с ребёнком, Макарская ретроспективно переопределяет сам статус взаимодействия — конфликт любовный, однако если один из участников назван ребёнком, он лишается права быть субъектом такого конфликта. Аналогичная модель реализована в «104 страницах про любовь» Э. Радзинского Евдокимов закрывает конфликт директивным выдворением: «Вот что, умница. Бери своего Феликса, свой плащ... и все втроём — двигайтесь отсюда!»³. Завершение не именуется — оно операционализируется через серию императивов, физически перемещающих участников из пространства конфликта. Обращение «умница» выполняет ту же функцию, что «детка» у Макарской: переопределяет соотношение сил и легитимирует право говорящего закрывать разговор в одностороннем порядке.

Второй тип — апологетические и уступительные высказывания. Данная группа объединяет лексически разнородные единицы, общим функциональным признаком которых служит снижение коммуникативной напряжённости посредством принятия ответственности или уступки. В «Старшем сыне» А. Вампилова реплика Нины «Я психанула... А ты тоже хорош...»⁴ реализует

двухходовую стратегию: признание собственной несдержанности сочетается с редистрибуцией ответственности, что смягчает, но не снимает противостояние. Тематическое переключение как маркер завершения конфликта реализуется в корпусе через синтаксически немотивированный переход к нейтральной или бытовой теме непосредственно после конфликтной реплики. Такой переход не оформляется коннекторами, связывающими его с предшествующим конфликтным актом, его отличительный признак именно в разрыве тематической связности. В «Разговоре без свидетеля» ОНА, после острой темы о новой жене бывшего мужа, произносит «Как у тебя дела? Ты никогда не рассказываешь»⁵. Переход к вопросу о жизни адресата имитирует кооперативную заинтересованность, прагматически функционируя как отвлекающий манёвр: говорящий предлагает выйти из конфликтного регистра, не разрешая содержательного противоречия.

Третий тип — физический выход из коммуникации с речевым сопровождением. В «В поисках радости» В. С. Розова Клавдия Васильевна покидает конфликтное пространство и произносит: «Я не возражаю, Фёдор, можете переезжать!»⁶ Пермиссивная конструкция «можете переезжать» функционирует как предоставление разрешения там, где оно изначально не требовалось: конфликт разворачивался именно вокруг того, что Леночка и Фёдор ни в чьём согласии не нуждаются. Произнося «не возражаю», говорящий возвращает себе позицию того, чьё возражение в принципе имеет значение. В «Сырой ноге» Л. С. Петрушевской уход Дмитрия сопровождается удвоением инвективы «Нахалка ты, нахалка»⁷: удвоение при физическом уходе создаёт структуру, в которой последнее слово остаётся за говорящим, а адресат лишён возможности ответить.

Маркеры незавершённости речевого конфликта

Незавершённость конфликта при его формальном прекращении реализуется в корпусе через три устойчивых типа маркеров.

Возвратные речевые ходы объединяют случаи, когда один из участников после видимой дэскалации или тематического отступления

¹ Розов В. С. В поисках радости [Электронный ресурс] // Lib.ru.

² Вампилов, А. В. Старший сын [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: Lib.ru/PXESY/WAMPILOW/vampilov1_1.txt (дата обращения: 26.04.2026).

³ Радзинский Э. С. 104 страницы про любовь [Электронный ресурс] // Narod.ru URL: https://lib-drama.narod.ru/radzinsky/104pages.html (дата обращения: 26.04.2026).

⁴ Вампилов, А. В. Старший сын [Электронный ресурс] // Lib.ru.

⁵ Прокофьева С. Л. Разговор без свидетеля : пьеса / С. Л. Прокофьева. М. : ВААП-ИНФОРМ, 1980. С. 15.

⁶ Розов В. С. В поисках радости [Электронный ресурс] // Lib.ru.

⁷ Петрушевская Л. С. Сырая нога или встреча друзей [Электронный ресурс] // Narod.ru URL: https://lib-drama.narod.ru/petrushevskaya/noga.html (дата обращения: 26.04.2026).

возвращается к предмету конфликта. В «Утиной охоте» А. Вампилова реплика Галины «И всё-таки ты иди домой, хорошо?»¹ следует непосредственно после взаимного обмена извинениями. Противительный коннектор «и всё-таки» семантически противопоставляет требование предшествующему завершению конфликта, указывая на то, что форма завершения была принята, однако его коммуникативное содержание осталось неразрешённым. В «Иркутской истории» А. Арбузова Виктор произносит «Ладно. Уеду я, совсем уеду», а через несколько реплик возвращается к сути противостояния: «Ты её у меня отнял»². Формула завершения была произнесена, однако не исполнена ни физически, ни коммуникативно. В «В поисках радости» В. С. Розова Федор объявляет о готовности выполнить требования оппонента и завершить конфликт: «Ну хорошо, я буду молчать», — однако Леночка переосмысляет это как тактический ход: «Конечно! Это самая выгодная позиция!»³, что запускает возврат активной фазы конфликта.

Молчание как маркер незавершённости реализуется в корпусе в нескольких разновидностях. Первая: молчание, вынуждающее говорящего продолжать речь в отсутствие ответа. В «В поисках радости» В. С. Розова конфликт между Олегом и Геннадием дважды прерывается ремаркой «Олег молчит», «Оба стоят и молчат»⁴. После каждой из этих пауз следует не ответная реплика оппонента, а продолжение высказываний того, кто говорил до паузы: молчание адресата вынуждает говорящего заполнять коммуникативное пространство, не получив ни согласия, ни опровержения. Вторая разновидность: молчание как систематически поддерживаемый отказ от взаимодействия. В «Мурлин Мурло» Н. В. Коляды Ольга на протяжении развёрнутого монолога Михаила не произносит реплик: «Ольга смотрит в пол, не двигается»⁵. Михаил продолжает обращаться к ней с вопросами, тональность которых постепенно ме-

няется от агрессии к недоумению: молчание адресата создаёт форму присутствия без коммуникативного участия, что исключает возможность наступления завершения конфликта. Третья разновидность: молчание как отказ вступить в контакт через физическую недоступность. В «Дорогой Елене Сергеевне» Л. Н. Разумовской Елена Сергеевна, находящаяся за закрытой дверью, не отвечает на реплику Ляли «Они не взяли ваш ключ!»⁶. Высказывание, лишённое получателя, становится коммуникативно несостоявшимся, а конфликт сохраняет неопределённый статус, несмотря на формальное устранение предмета разногласия.

Авторские ремарки как маркеры незавершённости не принадлежат системе реплик персонажей, однако нередко служат единственным свидетельством того, что внешне прекратившийся конфликт ещё не закончен. В «Мурлин Мурло» Н. Коляды Инна рыдает на кровати после ухода Алексея, что представляет собой физическое выражение непреодоленного напряжения при формально завершившемся противостоянии. В «Фабричной девчонке» А. Володина при возвращении Бибичева в комнату ремарка гласит: «Сел на стул, уронил голову. Несчастен сейчас»⁷. Прямая авторская номинация внутреннего состояния в паратексте пьесы исключительна для данного жанра: она устанавливает эмоциональный итог, который реплики персонажа скрывают или не способны выразить, обнаруживая тем самым, что достигнутое завершение было принято только одной из сторон.

Зависимость типа маркеров завершения от природы конфликтогена

Анализ корпуса обнаруживает устойчивую зависимость между типом конфликтогена и характером маркеров завершения. Данная зависимость позволяет рассматривать фазу завершения как структурно обусловленную предшествующими фазами, что согласуется с фазовыми моделями конфликта [1; 10].

Конфликты, инициированные аксиологическими конфликтогенами — высказываниями, воспринимаемыми адресатом как посягательство на его систему ценностей, самооценку или ролевую идентичность, — завершаются в корпусе преимущественно через молчание или физический

¹ Вампилов А. В. Утиная охота [Электронный ресурс] // Lib.ru.

² Арбузов А. Н. Иркутская история [Электронный ресурс] // Narod.ru URL: <https://lib-drama.narod.ru/arbuzov/irkutsk.html> (дата обращения: 26.04.2026).

³ Розов В. С. В поисках радости [Электронный ресурс] // Lib.ru.

⁴ Там же.

⁵ Коляда Н. В. Мурлин Мурло [Электронный ресурс] // UralPlays — библиотека пьес уральских драматургов URL: <https://www.uralplays.ru/works/1/> (дата обращения: 26.04.2026).

⁶ Разумовская Л. Н. Дорогая Елена Сергеевна [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: https://www.lib.ru/PXESY/domik/4_landsk/des_pred.htm (дата обращения: 26.04.2026).

⁷ Володин А. М. Фабричная девчонка [Электронный ресурс] // Narod.ru URL: <https://lib-drama.narod.ru/arbuzov/irkutsk.html> (дата обращения: 26.04.2026).

выход из коммуникации без вербального оформления завершения. В «Дорогой Елене Сергеевне» Л. Разумовской острые ценностные столкновения между учительницей и учениками завершаются физическим прекращением взаимодействия, не сопровождаемым апологетическими формулами. В «Иркутской истории» А. Арбузова аксиологически нагруженные конфликты завершаются молчанием одного из участников при продолжении речи другого. Отсутствие вербального маркера в этих случаях функционирует как коммуникативный сигнал: принять условия завершения означало бы принять позицию, предложенную оппонентом.

Конфликты с манипулятивными конфликтогенами — высказываниями, посредством которых говорящий скрытно перераспределяет коммуникативные роли или атрибутирует адресату нежелательные мотивы, — завершаются преимущественно через тематическое переключение или квазиапологетические высказывания. Квазиапологетические высказывания внешне воспроизводят структуру извинения, однако не содержат полного принятия ответственности. По О. С. Иссерс, «в случае прогнозируемой слабой позиции учитывается необходимость «сохранения лица» и, соответственно, предпочтение отдается не прямым, а косвенным тактикам», к которым относится и извинение с оговоркой [4, с. 250]. В «Разговоре без свидетеля» ОН произносит: «Прости. Я распахнулся. Работы невпроворот. Я ещё не был в отпуске. К тому же вчера перепил»¹. Каждое из называемых обстоятельств — объективная причина, которую трудно оспорить; их перечисление создаёт эффект исчерпывающего объяснения, после которого обвинять говорящего было бы несправедливо. Характерна реакция женского персонажа: «Конечно. Главное, волноваться-то не с чего»², — ОНА принимает форму этого объяснения, не затрагивая его содержания: перемирие достигнуто, но вопрос, ставший его причиной, не снят.

Конфликты со статусными конфликтогенами — ситуациями нарушения ролевой иерархии

или смещения коммуникативных позиций — завершаются через директивные метакоммуникативные формулы, произносимые стороной, занимающей доминирующую позицию. В «В поисках радости» В. С. Розова конфликты, инициированные статусным давлением Лапшина, завершаются директивными репликами, а не совместно достигнутым соглашением. Завершение реализуется через утверждение статусного преимущества говорящего, его оппонента или третьего лица, поскольку завершить конфликт, основанный на нарушении иерархии, возможно только после построения новой.

Выявленная зависимость указывает на то, что тип конфликтогена не только определяет характер основной фазы конфликта, но и предопределяет вероятный способ его завершения, что подтверждает системный, а не ситуативный характер связи между фазами.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Прекращение и завершение речевого конфликта представляют собой самостоятельные коммуникативные категории, разграничение которых необходимо для описания его фазовой структуры.

Маркеры завершения конфликта в исследуемом корпусе объединяет редукция структуры по сравнению с маркерами инициации: сокращение объёма высказывания само по себе является прагматическим сигналом смены коммуникативного регистра.

Маркеры незавершённости конфликта свидетельствуют о расхождении между формальным прекращением и коммуникативным состоянием участников взаимодействия.

Зависимость между типом конфликтогена и характером маркеров завершения указывает на структурную связность фаз конфликта и ограничивает возможность рассматривать фазу завершения как автономный эпизод. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется верификация выявленных закономерностей на материале других типов дискурса — разговорного, институционального, медийного, — а также сопоставительный анализ маркеров завершения конфликта в текстах разных национальных традиций.

Список источников

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учеб. для вузов. 4-е изд. М. : Эксмо, 2009. 512 с.
2. Анисимова А. Т. Концепт «конфликт» в русской языковой картине мира (на материале драматических текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 195 с.

3. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики : учеб. пособие. 3-е изд. М. : Лабиринт, 2001. 304 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Мультеева В. О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
6. Муравьёва Н. В. Язык конфликта. М. : Изд-во МЭИ, 2002. 264 с.
7. Певнева И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Певнева. Кемерово, 2008. 19 с.
8. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международного семинара Диалог, 2002. М. : Наука, 2002. Т. 1. С. 428–439.
9. Синтоцкая Н. А. Реализация категории эмотивности в тексте современной англоязычной драмы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 19 с.
10. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 301 с.
11. Хруненкова А. В. Интолерантные формы речевого общения в современном драматургическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 196 с.
12. Якубович Д. О. Речевой конфликт как разновидность речевого взаимодействия // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2. Минск : «Белорусский Дом печати», 163, 2011. С. 29–32.
13. Grimshaw A. D. (ed.). Conflict Talk: Sociolinguistic Investigations of Arguments in Conversations. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 341 p.
14. Mansworth, M. Teaching Drama Using Discourse Analysis [Text] / Megan Mansworth // Teaching English Language and Literature. London: Routledge, 2020. Pp. 105–112.
15. Vuchinich S. The sequential organization of closing in verbal family conflict // Conflict Talk / ed. by A. D. Grimshaw. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. P. 118–138.

References

1. Antsupov AYa, Shipilov AI. Conflictology. 4th ed. Moscow: Eksmo; 2009. 512 p. (In Russ.).
2. Anisimova AT. The concept of “conflict” in the Russian linguistic worldview (based on dramatic texts) [Dissertation]. Voronezh; 2004. 195 p. (In Russ.).
3. Gorelov IN, Sedov KF. Fundamentals of psycholinguistics. 3rd ed. Moscow: Labirint; 2001. 304 p. (In Russ.).
4. Issers OS. Communicative strategies and tactics of Russian speech. 5th ed. Moscow: LKI; 2008. 288 p. (In Russ.).
5. Mul'keyeva VO. Speech conflict strategies and factors influencing their choice [Dissertation]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
6. Murav'yova NV. The language of conflict. Moscow: MEI Publishing House; 2002. 264 p. (In Russ.).
7. Pevneva IV. Communicative strategies and tactics in conflict situations of everyday and professional pedagogical discourse in Russian and American linguocultures [Author's abstract of Dissertation]. Kemerovo; 2008. 19 p. (In Russ.).
8. Sedov KF. Linguistic personality in the aspect of psycholinguistic conflictology. In: Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara Dialog 2002 = Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Seminar Dialogue 2002*. Moscow: Nauka; 2002;1:428-439. (In Russ.).
9. Sintotskaya NA. Realization of the category of emotivity in the text of modern English-language drama [Author's abstract of Dissertation]. Saint Petersburg; 2003. 19 p. (In Russ.).
10. Tret'yakova VS. Verbal conflict and harmonization of communication [Dissertation]. Yekaterinburg; 2003. 301 p. (In Russ.).
11. Khrunenokva AV. Intolerant forms of speech communication in modern dramatic discourse [Dissertation]. Saint Petersburg; 2010. 196 p. (In Russ.).
12. Yakubovich DO. Verbal conflict as a variety of speech interaction. *Karpovskiyе nauchnyye chteniya = Karpov Scientific Readings*. Vol. 5, pt. 2. Minsk: Belorusskiy Dom pechati; 2011. P. 29-32. (In Russ.).

13. Grimshaw AD, ed. Conflict talk: Sociolinguistic investigations of arguments in conversations. Cambridge : Cambridge University Press; 1990. 341 p.

14. Mansworth M. Teaching drama using discourse analysis. In: Teaching English Language and Literature. London: Routledge; 2020. P. 105-112.

15. Vuchinich S. The sequential organization of closing in verbal family conflict. In: Grimshaw AD, ed. Conflict talk. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. P. 118-138.

Информация об авторах

М. С. Лантух — аспирант, преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Е. И. Минина — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

M. S. Lantukh — Postgraduate Student, Teacher at the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

E. I. Minina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.